

ВНУТРИЯЗЫКОВАЯ ТРАКТОВКА ЛАКУН

В статье критически анализируются принципы межъязыковой трактовки лакун и выдвигаются аргументы в пользу их внутриязыковой трактовки. Имеются веские основания полагать, что межъязыковая трактовка выходит за допустимые пределы толкования термина *лакуна*; она противоречит самой сущности понятия 'лакуна' (пробел, нехватка элемента). По этой причине автор основывается на платформе внутриязыковой трактовки лакун.

Ключевые слова: лакуна, парадигма, схема, норма, узус языка, лексикон.

В наше время в лакунологии активное развитие получило межъязыковое направление. Следуя концепции А. Мальблана [1], Ж.П. Вине и Ж. Дарбельне [2], ряд лингвистов называет межъязыковой лакуной отсутствие в том или ином языке эквивалента для единицы какого-либо другого языка (языков).

Так, в английской терминосистеме геометрии межъязыковой лакуной считается отсутствие лексического эквивалента для рус. *катет*, нем. *Kathete*, франц. *cathéte*; англ. *cathetus* означает не 'катет', а 'перпендикуляр', а катеты именуются описательными речевыми оборотами типа *trigon legs forming the right angle* (букв. 'бедро треугольника, образующие прямой угол').

Но мы не видим оснований считать эту лакуну межъязыковой. Дело в том, что в английском геометрическом понятийном аппарате есть семема 'катет', но для нее нет устойчивого названия. Если лексическая лакуна — это «отсутствие лексемы для имеющейся семемы» [3, с. 8], то отсутствие **своей** лексемы для **своей** семемы — это **своя** (английская) лакуна, и другие языки здесь ни при чем. Если же в языке какого-либо дикого племени нет не только лексемы, но и семемы 'катет' (вследствие отсутствия в его лингвокультуре понятийного аппарата геометрии), то лакун нет вообще. Как видим, в обоих случаях для межъязыковой трактовки лакуны не остается места.

На наш взгляд, имеются веские основания полагать, что межъязыковая трактовка выходит за допустимые пределы толкования термина *лакуна*; она противоречит самой сущности понятия 'лакуна' (пробел, нехватка элемента). По этой причине мы стоим на платформе внутриязыковой трактовки лакун. Обоснуем ее с позиций системного подхода к языку.

По Г.В. Быковой, «лингвистическая системология рассматривает язык как закономерно организованную систему подсистем... где каждый компонент существует в противопоставлении другим компонентам и характеризуется только ему свойственной функциональной релевантностью» [4, с. 5].

Языковая лакуна — это отсутствие единицы или формы в определенной ячейке той или иной парадигмы, входящей в систему языка, и эта ячейка имеет установленную форму. По С. Ульманну, «в каждом поле сфера опыта анализируется, делится и классифицируется... с помощью определенной шкалы значимостей» [5, с. 250]. С этой

---

* © Савицкая Е.В., 2014

Савицкая Екатерина Владимировна (lampasha90@mail.ru), кафедра английской филологии и межкультурной коммуникации, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, 443090, Российская Федерация, г. Самара, ул. Блюхера, 25.

точки зрения неважно, заполнена ли ячейка элементом. В любом случае ячейка занимает свое место в поле и имеет форму, обусловленную смежными ячейками. Пустая ячейка играет в структуре поля такую же роль, как и полная. Элементы других языков не могут влиять на эту структуру самим фактом своего существования.

Системный подход предполагает, что если в языке В нет эквивалента для единицы / формы языка А, это не означает, что в языке В обязательно есть пустая ячейка. «Нет» не значит непременно «недостает, не хватает». Если не учитывать это обстоятельство и считать лакуной всякое несуществование единицы или формы в языке, исследователю видятся фантомные лакуны.

Утверждение о системности языка ныне считается тривиальным и именно поэтому подчас упускается из виду. На наш взгляд, при межъязыковой трактовке лакун системность языка порой учитывается в недостаточной мере. Между тем в применении к лакунам она требует учета следующих тезисов, проистекающих из постулатов лингвистической системологии:

- каждый элемент системы имеет свое место в парадигме (по Ф. де Соссюру — ценность, по С. Ульманну — значимость, по Г.В. Быковой — релевантность);
- это место (ячейка) характеризуется определенной конфигурацией, которая обусловлена отношениями элемента со смежными элементами в парадигме;
- если элемент отсутствует, то в парадигме для него имеется пустая ячейка (лакуна), форма которой влияет на структуру парадигмы;
- по форме и положению ячейки в парадигме можно судить о свойствах отсутствующего элемента;
- лишь «свои» элементы имеют ячейки в парадигмах системы;
- вставить новый элемент в парадигму (при заимствовании) — значит перекроить всю ее структуру, создав реальную ячейку; **мысленно** вставить в парадигму иносистемный элемент значит **мысленно** перекроить всю эту парадигму, создав воображаемую ячейку (фантомную лакуну).

Лакуна — не ничто и не плод воображения; она объективно существует в языке. Лишь признав это, можно говорить, что парадигма имеет структуру. Если же мы станем без счета мысленно вставлять в систему языка сколько угодно чужих единиц и на этом основании постулировать в ней лакуны, получится, что парадигма — это не структурированный фрагмент «мозаики», а аморфный «зыбучий песок». Системность языка окажется под вопросом.

Следует признать, что строгость системы снижается по мере подъема по уровням языка. Мы согласны с тезисом: «Лексико-семантическая система языка является не только наименее жесткой, но и наиболее подвижной и сложной по... структуре» [4, с. 6]. Но коль скоро мы все-таки признаем системный характер лексикона, вышеприведенные тезисы следует учитывать всякий раз, когда речь заходит о лексических лакунах.

Собственно говоря, лакуны могут быть выявлены как раз в том случае, если объект имеет достаточно четкую структуру. Если он структурирован слабо, а тем более аморфен, в нем трудно, а то и невозможно выявить лакуны. В лексиконе, если он рыхлый, нет заранее заготовленных пустых ячеек для иноязычных лексем. Если же лексикон четко структурирован, то пустые ячейки в нем видны, но они не созданы иноязычными элементами, чаще всего не соответствуют им по форме и не предназначены для них.

Синонимы слова лакуна — *отсутствие, нехватка, недостача, дефицит* [6] (ср. англ. *lacuna* — *absence, lack, blank, gap* [7]). Все они означают, что не хватает чего-то **своего** на предназначенном для него месте. Так, в комплекте шахматных фигур может не хватать пешки, но не шашки или фишки, хотя их там и вправду нет. Дело в том, что для шахматного комплекта они чужие. В исходной позиции на доске остается пустая клетка для недостающей пешки, но для шашки или фишки вакантных клеток

нет. В языке дело обстоит так же (параллель между шахматами и языком проводил еще де Соссюр).

Лишь если два языка на каком-то участке **изоморфны**, то единица языка А может вписаться в пустую ячейку парадигмы языка В. Например, русское слово *сутки* можно мысленно вставить в пустую ячейку английского поля «Timekeeping» («Счисление времени»):

секунда,	минута,	час,	сутки,	неделя,	месяц и т. д.
↓	↓	↓	↓	↓	↓
second,	minute,	hour,	...,	week,	month etc.

Но это не значит, что данная английская лакуна носит межъязыковой характер — ведь ее наличие не зависит от наличия устойчивого названия для суток в русском или ином языке. Эта лакуна выглядит как межъязыковая лишь на субъективный взгляд переводчика, которому не хватает английского слова для перевода русского слова *сутки*. Это не что иное, как утилитарный подход, возведенный в ранг объективного. При подлинно объективном подходе видно, что перед нами — собственная лакуна английского языка.

Далее, рассмотрим **неизоморфные** поля двух языков, охватывающие одну и ту же предметную область. Сравним английскую и русскую терминологию возрастной периодизации от 0 до 25 лет:

(1) babyhood (0–2 months), (2) infancy (2–12 months), (3) toddlerhood (1–3 years), (4) preschool age (3–5 years), (5) early school age (5–13 years), (6) teen age (13–19 years), (7) youth (19–25 years);

(1) младенчество (0–1 год), (2) раннее детство (1–4 года), (3) дошкольный возраст (4–7 лет), (4) мл. школьный возраст (7–11 лет), (5) подростковый возраст (11–15 лет), (6) юность (15–20 лет), (7) молодость (20–25 лет).

Как видим, ячейки не совпадают, но в обоих случаях предметная область охвачена полностью. В парадигмах нет пустых ячеек, а значит, нет и лакун. Например, английской ячейке 6 ‘teen age’ соответствует не пустая русская ячейка, а стык русских заполненных ячеек 5 ‘подростковый возраст’ и 6 ‘юность’. Так где же здесь лакуна (пробел, пустое место)? Она есть не в русской парадигме, а в сознании переводчика.

Не случайно межъязыковая трактовка лакун возникла именно в теории перевода. Переводчики обращаются к ими же созданной, служащей их целям, таблице межъязыковых переводческих соответствий (е. г. *крендель* → pretzel; *пончик* → doughnut и т. д.), в которой действительно есть лакуны (е. г. *сочень* → ...). Но ведь эта таблица — орудие переводческого труда, а не объективная реальность английской языковой системы. Переводчики находят лакуны не в объекте (языке), а в инструменте (таблице). Она, в сущности, представляет собой переводной словарь, в котором материал организован так, как это удобно для переводческой работы, а не так, как объективно построены парадигмы в том и другом языках. Встречающиеся в нем пустые места можно назвать **лексикографическими лакунами**, однако их именуют межъязыковыми лакунами, считая структуру словаря структурой языка.

В русско-английском словаре слову *сочень* соответствует английская лексикографическая лакуна, но в английском номинационном поле «Pastries» («Выпечка») такой лакуны нет, т. к. англичане не пекут сочни и не имеют о них понятия. Нет понятия — нет семемы; нет семемы — нет лакуны. Если же счесть, что лакуна — это отсутствие как лексем, так и семемы (т. е. лакуна — это ничто), то отсюда последует вывод, что лакунология — это наука ни о чем. С таким выводом согласиться нельзя.

Переводной словарь, разумеется, отражает реальность обоих языков, но делает это не прямо; структура словаря не изоморфна структурам языков. Переводческий (прикладной) подход не должен затушевывать видение того, как объективно обстоит дело с лакунами в

языковых парадигмах. На основе наблюдений мы пришли к выводу, что постулируемая некоторыми учеными оппозиция «межъязыковые :: внутриязыковые лакуны» в действительности является оппозицией «лексикографические :: языковые лакуны».

При сравнении языков обнаруживаются полные эквиваленты, частичные эквиваленты и безэквиваленты. Поскольку «семантические сетки» языков сдвинуты относительно друг друга, частичные эквиваленты преобладают. В рамках межъязыковой трактовки лакун возникают трудности с толкованием этого факта: то ли следует считать, что не только безэквивалентам, но и частичным эквивалентам (т. е. большей части фонда номинативных единиц) языка А соответствуют лакуны в языке В, то ли нужно постулировать наличие неких «полулакун» (полупустых ячеек?); не очень понятно, что это такое. Оба решения трудно назвать конструктивными.

При внутриязыковой трактовке лакун дело обстоит яснее: лакунарность не вызвана безэквивалентностью — ни полной, ни частичной. Лакунарность и безэквивалентность существуют отдельно друг от друга, и если они порой сопутствуют друг другу, это сопутствие не является каузальной связью.

«Нет предела числу способов, которыми реальность может члениться на фрагменты для целей мышления и деятельности» [8, с. 39] (перевод мой. — Е. С.). Например, в разных языках названия могут делить вышеприведенную возрастную шкалу на любые отрезки. При межъязыковой трактовке лакун из этого вытекает, что в данном английском поле имеется неограниченное число пустых ячеек, накладывающихся друг на друга. При такой трактовке не может идти речи о том, что у этого поля есть структура.

Тогда что такое языковая лакуна? На наш взгляд, лакуна — это отсутствие единицы или формы в одном домене языка, подразумевающее ее наличие в ином домене **того же** языка. Установим, что представляют собой эти домены.

Если во время шахматной игры на доске отсутствует белая пешка, то ее надо искать не среди черных фигур (ведь она для них чужая), а вне доски, среди других не участвующих в игре белых фигур; а если в языке В отсутствует единица, то ее следует искать не среди единиц языка А (ведь она для них чужая), а среди других не участвующих в общении единиц и форм все того же языка В, т. е. в его **виртуале**, противопоставленном **реалу**.

Виртуал и реал — это два домена языка. Толкуя эти понятия, обратимся к оппозиции «идеальная система :: ее практическая реализация». В философии она выражена в Платоновой антитезе «идея вещи :: ее воплощение», а в лингвистике — в Ельмслевской антитезе «схема языка :: его норма и узус».

Виртуал языка — это то, что имеется в его схеме, но не реализуется в его норме и узусе. Реал языка — это то, что входит в его норму и узус. Норма — это то, как традиция предписывает употреблять языковые средства, а узус — то, как они действительно употребляются в массовом масштабе.

По Л. Ельмслеу [9], окказиональное употребление не относится ни к норме, ни к узусу; оно входит не в язык, а в акты речи. Отсюда следует, что окказиональное употребление не входит в реал языка. Правда, Э. Косериу [10] включал окказиональное употребление в узус, но это — противоречие: ведь узусальное употребление массово, а окказиональное — единично.

Из сказанного следует, что языковая лакуна — это отсутствие в норме и узусе (т. е. реале) языка его собственного элемента, который наличествует в его схеме (виртуале) и является лакунарным по отношению к норме и узусу своего (а не другого) языка. Так, форма продолж. вида страдат. залога буд. времени (е. g. *will be being done) наличествует в парадигме английского глагола, но не предписана нормой и не употребляется узусально, хотя может реализовываться окказионально. Это и есть лакунарная (виртуальная) форма. Таково теоретическое обоснование внутриязыкового характера лакун.

Библиографический список

1. Malblanc A. *Stylistique comparée français et allemand*. Paris: Didier, 1961. 351 p.
2. Vinay J.P. et Darbelnet J. *Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction*. Paris: Didier; Montreal: Beauchemin, 1958. 331 p.
3. Быкова Г.В. Явление лакуарности на уроках русского языка в школе. Благовещенск: изд-во Благовещенского гос. пед. ун-та, 2005. 87 с.
4. Быкова Г.В. Словарь несуществующих слов: фантастика или реальность? // Лакуны в языке и речи: сб. науч. тр. Благовещенск: изд-во Благовещенского гос. пед. ун-та, 2003. С. 20–27.
5. Ульманн С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. V. Языковые универсалии. М.: Прогресс, 1970. С. 250–299.
6. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю.Д. Апресяна. М., Вена: Венский славистический альманах, 2004. 1488 с.
7. Roget's International Thesaurus. N.Y.: HarperCollins Publishers, 2001. 1248 p.
8. Hampshire S. *Thought and Reality*. N.Y.: Viking Press, 1960. 268 p.
9. Ельмслев Л. Язык и речь // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Часть II. М.: Просвещение, 1965. С. 111–121.
10. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. III. М.: изд-во лит-ры на иностр. яз., 1963. С. 143–343.

References

1. Malblanc A. *Stylistique comparée français et allemand*. Paris, Didier, 1961, 351 p. [in French]
2. Vinay J.P. et Darbelnet J. *Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction*. Paris, Didier; Montreal, Beauchemin, 1958, 331 p. [in French]
3. Bykova G.V. Phenomenon of lacunarity on the lessons of Russian language at school. Blagoveshchensk: izd-vo Blagoveshchenskogo gos. ped. un-ta, 2005, 87 p. [in Russian]
4. Bykova G.V. Dictionary of ghost words: fantasy or reality? *Lakuny v iazyke i rechi: Sb. nauch. tr [Lacunae in language and speech: collection of scientific papers]*. Blagoveshchensk: izd-vo Blagoveshchenskogo gos. ped. un-ta, 2003, pp. 20–27. [in Russian]
5. Ulmann S. Semantic universals. *New in linguistics. Issue V. Language universals*. M., Progress, 1970, pp. 250–299. [in Russian]
6. New explanatory dictionary of synonyms of Russian language. Апресян Ю.Д. (ed.) M., Vena, Venskii slavisticheskii al'manakh, 2004, 1488. [in Russian]
7. Roget's International Thesaurus. N.Y., HarperCollins Publishers, 2001, 1248 p.
8. Hampshire S. *Thought and Reality*. N.Y., Viking Press, 1960, 268 p.
9. El'msl'ev L. Language and speech. *History of linguistics of XIX and XX centuries in essays and retrievals. Part II*. M., Prosveshchenie, 1965, p. 111–121. [in Russian]
10. Koseriu E. Synchrony, diachrony and history. *New in linguistics. Issue III*. M., izd-vo lit-ry na inostr. iaz., 1963, pp. 143–343. [in Russian]

E.V. Savitskaya***INTRALINGUAL TREATMENT OF LACUNAE**

The article contains a critical analysis of principles of interlingual treatment of lacunae and argumentation in favour of their intralingual treatment are proposed. There are strong reasons to presume that interlingual treatment goes outside the limits of treatment of the term lacuna; it contradicts the very essence of the term lacuna (gap, lack of an element). Due to this reason the author bases himself on the platform of intralingual treatment of lacunae.

Key words: lacuna, paradigm, language scheme / norm / usus, lexicon.

---

* Savitskaya Ekaterina Vladimirovna (lampasha90@mail.ru), Department of English Philology and Cross-Cultural Communication, Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, 443090, Russian Federation.